

Sigmund Freud

УДК 159.964.2

ББК 88.6

Ф56

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат
ООО «Издательство АСТ».

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Фрейд, Зигмунд.

Ф56 Я и Оно / З. Фрейд; пер. с нем. А.М. Бокови-
кова. – Москва : Издательство АСТ, 2018. –
192 с. – (Величайшие люди и мыслители).

ISBN 978-5-17-108547-6

В книге представлены ключевые работы основопо-
ложника психоанализа Зигмунда Фрейда: «По ту сторону
принципа удовольствия» и «Я и Оно». Первая обозначи-
ла поворот в учении психолога к модели Я–Оно–Сверх-Я,
вторая стала логичным продолжением размышлений об
этих трех важнейших компонентах психики человека.

УДК 159.964.2
ББК 88.6

ISBN 978-5-17-108547-6

© Боковиков А. М., перевод на
русский язык, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Величайшие люди
и мыслители

Фрейд

Зигмунд

Я и Оно

ОГИЗ

Издательство АСТ

Москва 2018

Зигмунд
Фрейд

По ту сторону
принципа
удовольствия

I

В психоаналитической теории мы без всяких сомнений предполагаем, что течение психических процессов автоматически регулируется принципом удовольствия. То есть мы считаем, что оно стимулируется неприятным напряжением и затем принимает такое направление, которое в конечном счете совпадает с уменьшением этого напряжения, другими словами — с избеганием неудовольствия или получением удовольствия. Рассматривая изучаемые нами психические процессы с учетом такой последовательности, мы привносим в свою работу экономическую точку зрения. Мы полагаем, что описание, которое, наряду с топическим и динамическим моментами, пытается оценить еще и экономический, будет самым полным из всех, которые мы можем сегодня себе представить,

и оно заслуживает того, чтобы быть отмеченным под названием метапсихологического.

При этом для нас не представляет интереса исследование того, насколько мы с введением принципа удовольствия приблизились или присоединились к определенной, исторически сложившейся философской системе. К таким умозрительным предположениям мы приходим через описание и учет фактов, получаемых в нашей области благодаря повседневным наблюдениям. Приоритет и оригинальность не относятся к целям, которые стоят перед психоаналитической работой, а впечатления, лежащие в основе установления этого принципа, настолько ярки, что едва ли возможно упустить их из виду. Напротив, мы были бы весьма признательны философской или психологической теории, которая смогла бы показать нам, в чем состоит значение столь императивных для нас ощущений удовольствия и неудовольствия. К сожалению, ничего приемлемого нам здесь не предлагают. Это самая темная и недоступная область душевной жизни, и если мы не можем обойтись без того, чтобы ее не затронуть, то, по моему мнению, самое вольное предположение будет и самым лучшим. Мы решились соотнести удовольствие и неудовольствие с количеством имеющегося в душевной жизни — и не связанного как-либо — возбуждения таким

образом, что неудовольствие соответствует увеличению, а удовольствие — уменьшению этого количества. При этом мы не имеем в виду простое соотношение между интенсивностью ощущений и изменениями, к которым они относятся, менее же всего — в соответствии со всеми данными психофизиологии — прямую пропорциональность; вероятно, решающий момент для ощущения — это степень уменьшения или увеличения во времени. Возможно, здесь был бы полезен эксперимент; нам, аналитикам, едва ли целесообразно углубляться в эти проблемы, пока у нас нет возможности руководствоваться абсолютно надежными наблюдениями.

Но мы не можем оставаться равнодушными, видя, что такой проникательный исследователь, как Г. Т. Фехнер, отстаивает точку зрения на удовольствие и неудовольствие, в сущности совпадающую с той, к которой нас приводит психоаналитическая работа. Положение Фехнера, высказанное в его небольшом сочинении «Некоторые идеи об истории возникновения и развития организмов» (1873), сформулировано следующим образом: «Поскольку сознательные побуждения всегда находятся в связи с удовольствием или неудовольствием, можно подумать, что удовольствие и неудовольствие также находятся в психофизической взаимосвязи с условиями стабильности

и нестабильности; и это позволяет обосновать развиваемую мной в другом месте гипотезу, что всякое психофизическое возбуждение, переступающее порог сознания, в известной мере связано с удовольствием, когда оно, перейдя известную границу, приближается к полной стабильности, и в известной мере с неудовольствием, когда оно, также переходя известную границу, от него отклоняется; вместе с тем между обеими границами, которые можно назвать качественным порогом удовольствия и неудовольствия, существует известная область эстетической индифферентности...»

Факты, побудившие нас поверить в господство принципа удовольствия в душевной жизни, также находят свое выражение в гипотезе, что душевному аппарату присуща тенденция сохранять имеющееся в нем количество возбуждения на как можно более низком уровне или, по крайней мере, константным. Это та же самая мысль, только представленная в другой формулировке, ибо если работа душевного аппарата направлена на удержание количества возбуждения на низком уровне, то все, что может его повысить, должно ощущаться как нечто нефункциональное, то есть как неприятное. Принцип удовольствия выводится из принципа константности; но в действительности принцип константности был выведен

из тех же фактов, которые заставили нас выдвинуть гипотезу о принципе удовольствия. При более подробном обсуждении мы обнаружим также, что эта предполагаемая нами тенденция душевного аппарата относится в качестве частного случая к указанному Фехнером принципу стремления к стабильности, с которым он связывал ощущения удовольствия и неудовольствия.

Однако тогда нам придется отметить, что говорить о господстве принципа удовольствия над течением душевных процессов, по существу, было бы неверно. Будь это так, подавляющее большинство наших душевных процессов должно было бы сопровождаться удовольствием или вести к удовольствию, тогда как весь наш обычный опыт активно противоречит этому. Поэтому дело может обстоять только так, что в душе существует устойчивая тенденция к проявлению принципа удовольствия, которой, однако, противостоят некие другие силы или условия, а потому конечный результат не всегда может соответствовать тенденции к удовольствию. Ср. замечание Фехнера по аналогичному поводу (1873): «Однако тем самым стремление к цели еще не означает достижения цели, и вообще цель достижима только в приближении...» Если мы теперь зададимся вопросом, какие обстоятельства могут не допустить осуществления принципа удовольствия,

то снова вступим на надежную и известную почву и для ответа на этот вопрос сможем в большом объеме привлечь свой аналитический опыт.

Первый случай такого торможения принципа удовольствия известен нам как закономерный. Мы знаем, что принцип удовольствия присущ первичному режиму работы душевного аппарата и что для самоутверждения организма среди трудностей внешнего мира он с самого начала оказывается непригодным и даже во многом опасным. Под влиянием влечений Я к самосохранению он сменяется принципом реальности, который, не оставляя конечной цели достижения удовольствия, все же предполагает и осуществляет отсрочку удовлетворения, отказ от различных возможностей такового и допущение на какое-то время неудовольствия на длинном окольном пути к удовольствию. Принцип удовольствия еще долгое время остается методом работы с «трудновоспитуемыми» сексуальными влечениями, и снова и снова получается так, что он, будь то под влиянием последних или в самом Я, побеждает принцип реальности во вред всему организму.

Между тем несомненно, что замена принципа удовольствия принципом реальности объясняет нам лишь незначительную часть неприятных переживаний, к тому же не самых сильных. Другой, не менее закономерный источник

неудовольствия — это конфликты и расщепления в душевном аппарате в то время, когда Я совершает свое развитие до более сложных форм организации. Почти вся энергия, наполняющая этот аппарат, происходит от привнесенных импульсов влечений, но не все они допускаются на одинаковые фазы развития. Вместе с тем отдельные влечения или компоненты влечений по своим целям или требованиям постоянно оказываются несовместимыми с остальными и не могут объединиться во всеобъемлющее единство Я. В таком случае в результате процесса вытеснения они отделяются от этого единства, задерживаются на низших ступенях психического развития и прежде всего отсекаются от возможности удовлетворения. Если затем им удастся — а это очень легко происходит с вытесненными сексуальными влечениями — окольными путями достичь непосредственного или замещающего удовлетворения, то этот результат, который обычно представляет собой возможность для получения удовольствия, воспринимается Я как неудовольствие. Вследствие старого конфликта, оканчивающегося вытеснением, принцип удовольствия вновь прорывается, причем именно в тот момент, когда определенные влечения работали над тем, чтобы, соблюдая этот же принцип, получить новое удовольствие. Детали процесса, благодаря

—

которому вытеснение превращает возможность удовольствия в источник неудовольствия, пока еще недостаточно понятны или недоступны для ясного изложения, но, несомненно, всякое невротическое неудовольствие подобного рода — это удовольствие, которое не может ощущаться как таковое¹.

Оба указанных здесь источника неудовольствия далеко не исчерпывают всего многообразия наших переживаний неудовольствия, но об остальной их части можно, по-видимому, с полным основанием утверждать, что их наличие не противоречит господству принципа удовольствия. Ведь неудовольствие, которое мы чаще всего испытываем, — это неудовольствие, связанное с восприятием, либо восприятие напора неудовлетворенных влечений, либо внешнее восприятие, каким бы оно ни было — мучительным само по себе или вызывающим в душевном аппарате неприятные ожидания, которые расцениваются им как «опасность». Реакция на требования этих влечений и угрозы, в которой, собственно, и выражается деятельность душевного аппарата, может корректно управляться принципом удовольствия или модифицирующим его принципом

¹ Дополнение, сделанное в 1925 году: Главное, пожалуй, заключается в том, что удовольствие и неудовольствие как сознательные ощущения связаны с Я. — Прим. пер.

реальности. Поэтому, видимо, нет надобности признавать продолжающееся ограничение принципа удовольствия, и все же именно исследование психической реакции на внешнюю опасность может дать новый материал и привести к новой постановке обсуждаемой здесь проблемы.

II

Уже давно было описано состояние, возникающее после сильных механических сотрясений, столкновений поездов и других несчастных случаев, связанных с угрозой для жизни, за которым закрепилось название «травматический невроз». Ужасная, совсем недавно окончившаяся война привела к появлению огромного множества таких заболеваний и, по крайней мере, положила конец искушению сводить их к органическому повреждению нервной системы под воздействием механической силы. Картина состояния при травматическом неврозе приближается к истерии по богатству сходных моторных симптомов, но, как правило, превосходит ее очень резко выраженными признаками субъективного страдания, примерно такими же, как при ипохондрии или меланхолии, и проявлениями